
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

РУССКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ XVIII ВЕКА: ПОЭТИКА ЖАНРА

© 2015 г. Л. А. Трахтенберг

В статье рассматривается сатирический журнал XVIII в. как характерный для эпохи тип издания, как специфическая жанровая целостность, предполагающая, однако, возможность различных идейно-художественных концепций.

The article considers the satirical magazine of the 18th century as a certain integral to its age type of published work, and as a specific generic entity, which, none the less, could be informed by various ideological-and-artistic concepts.

Ключевые слова: концептуальное единство, жанровый состав, дидактизм, фрагментарность, “ансамблевая” структура.

Key words: conceptual unity, generic frame work, didacticism, fragmentariness, ‘ensemble’ structure.

Сатирический журнал как тип издания возникает в Англии в конце 1700-х–1710-х гг. Его классические образцы – журналы Дж. Аддисона и Р. Стиля “The Tatler”, “The Spectator” и “The Guardian”. Они пользуются значительной популярностью, неоднократно переиздаются, переводятся на иностранные языки и вызывают множество подражаний по всей Европе вплоть до начала XIX в.¹ В России первые издания такого типа появляются в 1769 г.: это “Всякая всячина”, “И то и сё”, “Поденьшина”, “Трутень” и т.д.; развитие сатирической журналистики продолжается до конца XVIII в.

Как правило, сатирический журнал издается одним автором или устойчивым авторским коллективом. Продолжительность выхода одного журнала обычно остается в пределах одного или нескольких лет, часто меньше. По объему и периодичности многие сатирические журналы близки к газетам. Например, “The Tatler” выходит по вторникам, четвергам и субботам, “The Spectator” – шесть раз в неделю, “Поденьшина” – ежедневно; большинство изданий такого рода еженедельные. Однако содержание их в основном не информационное, а дидактическое. Издатели стремятся воспитать в читателях нравственность, хорошие манеры и эстетический вкус. Отсюда широкий тематический диапазон – от вопросов морали до новых театральных постановок.

Жанровый состав сатирических журналов разнообразен. Основной жанр в этих изданиях – эссе, форма которого может варьироваться в широких пределах. Субъект речи в эссе – издатель: это вымышленный образ, литературное alter ego автора, нередко наделенный портретными и биографическими характеристиками. В журналах часто печатаются письма, присланные читателями (возможно, фиктивными) с ответами издателя на них. В журналах также помещаются рассказы, аллегории, пародии (например, пародийная петиция [3, vol. 2, p. 418–419; 4, p. 294–295 и др.], завещание [3, vol. 1, p. 65–67], словарь [5, S. 8–40, 110–131]), советы в форме перечня правил поведения. Для всех этих жанров эссе издателя или письмо читателя может быть своего рода рамкой. Широкий жанровый репертуар предоставляет издателям выбор, позволяя индивидуализировать поэтику журнала.

До сих пор сатирический журнал как тип издания в русской литературе остается малоизученным в поэтологическом отношении. Начиная с первых монографических исследований, появившихся уже в середине XIX в., – работ Н.Н. Булича [6, с. 203–288] и А.Н. Афанасьева [7], интерес историков литературы сосредоточивается преимущественно на библиографическом изучении журналов, установлении их издателей и сотрудников (из последующих работ в этом направлении особенно важны библиографический каталог А.Н. Неустроева [8], монографии В.П. Семенникова [9] и П.Н. Беркова [10, с. 156 сл.]), а главное – на уяснении их общественного значения,

¹ См. новые обобщающие работы М.Л. Палларес-Бёрк [1] и К.-Д. Эртлера [2], там же и литература вопроса.

которое в понимании как дореволюционных, так и советских исследователей определяется сатирическим изображением быта и социально-критической установкой. Приоритет пафоса при изучении форм сатиры Н.И. Новикова подчеркивает Ю.В. Стенник [11, с. 239], посвятивший сатирическим журналам главу в обобщающем труде “Русская сатира XVIII века”.

Преимущественное внимание к предмету изображения в существующих исследованиях определяет интерес прежде всего к отдельным статьям журнала. В данной работе ставится другая задача: рассмотреть журнал как целое в присущей отдельным его образцам эстетической индивидуальности и продемонстрировать на некоторых примерах разнообразие возможных в рамках этого типа издания художественных концепций².

В первом среди русских сатирических журналов – “**Всякой всячине**”, издававшемся Екатериной II³, жанровой доминантой является диалог издателя с читателями: эссе, принадлежащее издателю, и читательские письма, на которые издатель дает ответ, – основные формы в журнале; другие жанры, в том числе пародийные, нехарактерны. При такой организации журнала большинство статей не имеет названий. Подобная жанровая структура унаследована от классических английских образцов; типична она и для немецких журналов. Влияние наиболее авторитетного английского образца – “The Spectator” (из которого, как показывает В.Ф. Солнцев [18], во “Всякой Всячине” заимствован ряд статей⁴) сказывается и в том, что образ издателя не один: журнал издает “общество”, каждому из членов которого дается самостоятельная характеристика.

“Диалог” во “Всякой всячине” было бы неверно понимать в смысле равноправной полемики – в том значении, которое придает этому слову М.М. Бахтин [22]. Содержание читательских

писем иное. Прежде всего, в них выражается одобрение журнала; таких примеров настолько много, что их количество становится поводом для иронического замечания в другом журнале – “Трутне” [23, с. 58], который, как известно, ведет со “Всякой всячиной” острую полемику.

Многие письма содержат вопрос, даже просьбу о помощи, которую издатель удовлетворяет, давая нередко иронический совет. Таково уже первое из писем, присланных во “Всякую всячину”, – письмо Агафьи Хрипухиной, которая просит прописать ей средство от бессонницы; издатель советует ей читать “Тилемахиду” вместе со “Всякой всячиной”, и этот ответ открывает ряд критических выпадов журнала против В.К. Тредиаковского [24, с. 14–16].

Письмо может представлять собой сатирическую зарисовку, где сам вымышленный читатель оказывается объектом авторской иронии. Примерами могут служить письма Фадея Гулякова [24, с. 25–27] или Игнатия Недоумова, который высмеивает сам себя, говоря, что не понимает стихов, и просит: “...пожалуйста предпишите лекарство, коим бы я свой малый смысл полеча, сделал к понятию стихов способным” [24, с. 130]; впрочем, читатель понимает, что причина непонимания стихов – их неоправданная сложность, которая также становится предметом осмеяния. Сатирический образ корреспондента может быть создан с помощью приемов речевой характеристики, как в письме Василиссы Топтоноговой [24, с. 131–133], где стилизуется щегольской жаргон. При этом иронические характеристики читателей издатель уравнивает рядом иронических же автохарактеристик.

С другой стороны, во “Всякой всячине” есть и письма, содержание которых соответствует авторской позиции. Таково, например, письмо Адама Адамова сына Варгейта [24, с. 38–40] с политическим намеком на франко-турецкий союз (русско-турецкая война, начавшаяся в 1768 г., – важная тема в нескольких журналах) или письмо Аришлая Шуши, приобретающее значение эстетического манифеста [24, с. 37–38]. Здесь читатель предстает не как проситель или предмет для насмешки, а как единомышленник издателя; солидарность с читателем издатель выражает в послесловии к письму.

Иными словами, диалогическая форма во “Всякой всячине” позволяет выразить авторскую позицию монологического (в понимании Бахтина) типа. Для сатирических журналов XVIII века это естественно: так реализуется присущая им дидактическая установка. Распределение высказываний между множеством фиктивных субъек-

² Проблема целостности литературного журнала на материале изданий XIX в. подробно рассмотрена Г.В. Зыковой [12]. Журналы XVIII в. представляют принципиально иной тип издания, что определяет необходимость их особого изучения.

³ О том, что “Всякую всячину” издавала Екатерина II, долгое время не было известно; на основании указания Н.И. Новикова в “Опыте исторического словаря о российских писателях” [13, с. 102] издателем журнала считался секретарь императрицы Г.В. Козицкий. Участие Екатерины II в издании журнала установлено П.П. Пекарским [14], далее вопрос разработан Е.С. Шумигорским [15]. Новые интерпретации “Всякой всячины” предлагают Й. Клейн [16] и А.Д. Ивинский [17].

⁴ Вопрос о связи “Всякой всячины” и “The Spectator” в дальнейшем подробно разрабатывают В.Ф. Лазурский [19], Ю.Д. Левин [20, с. 46–55, 91–92] и В.Д. Рак [21, с. 360–361].

тов речи – прием, позволяющий создать эффект коллективного авторитета, что усиливает дидактическое воздействие.

В другом журнале, выходившем одновременно со “Всякой всячиной”, – “И то и сё” М.Д. Чулкова – ироническая автохарактеристика издателя является господствующей. Ей посвящены, в частности, первые несколько номеров журнала. Образ говорящего – издателя становится источником комического эффекта, реализуя модель, по существу, фольклорного типа [см.: 25; 26].

Связь с фольклором подчеркивается введением в текст пословиц. Фольклорные интересы Чулкова [см.: 27; 28, с. 59 сл.; 29] определяют содержание ряда статей журнала, посвященных народному творчеству и традиционным обрядам. Формы этих статей различны: прозаический рассказ (описание свадебного обряда [30, № 43]⁵, крестин [30, № 44], перечисление тридцати типов святочных гаданий [30, № 46, с. 3–4]) и рассказ стихотворный, сближающийся с ирои-комической поэмой [30, № 22], фантастическая сцена с персонификацией Масленицы, развитием которой становится рассуждение о народных обычаях [30, № 8, с. 3–6]; кроме того, в журнале помещены народные песни [30, № 47, с. 3–5; № 50, с. 4–6]. Нередко встречаются в журнале анекдотические сюжеты, источником которых может служить как фольклорная, так и литературная традиция. К этому ряду примыкает и сказочное повествование – история о Нетоне [30, № 10, с. 4–8; № 11, с. 6–8; № 13, с. 4–8; № 14; № 15, с. 1–5]. Повествовательная рамка соотносит ее с традициями фольклора и рукописной литературы; впрочем, в сюжете сказывается традиция “Золотого осла” Апулея [см.: 31, с. 109], а фольклорное влияние незначительно.

Связь с низовой литературной традицией подчеркивается в типичной для журнала иронической форме: “Приступая ко столь важному делу, должен я иметь непременно важные мысли; того ради принимался я читать весьма славные сочинения, под которыми Господа Авторы для вечной и бессмертной себе славы не ставили своих имен: следующие сочинения. *О победе из пушкарских улиц белого петуха от куриц, о Фроле Скобееве и Азиатскую Банизу.* Из оных набрался я разума, чистого слога, изрядных замыслов, и удивительного истории расположения” [30, № 46, с. 6] (здесь и далее в цитатах курсив автора – Л. Т.).

Внимание к такого рода литературе не означает, однако, ее высокой оценки: напротив, она

подвергается критике – но и сам журнал, судя по иронической самооценке издателя, занимает невысокое место в жанровой иерархии. Вот характерный пример (заключительная часть письма анонимного читателя, вероятно вымышленного): “Сочинение твое есть произведение слабого ума для слабых умов; но и в других мы видим не Грации танцуют, но селские девки по руски пляшут” [30, № 45, с. 7].

Выражать авторский взгляд в журнале “И то и сё”, как и во “Всякой всячине”, доверено не только издателю; здесь также применяются приемы диалогизации, позволяющие формально разделить по существу единую авторскую позицию между разными субъектами речи. Примером может служить статья без названия (что обычно для этого журнала), занимающая весь № 24. Это сценка с участием рассказчика – издателя, который отправляется к портному перешивать свой старый кафтан; в первой части сценки издатель выступает как комический персонаж, вторая представляет собой его диалог с портным. Речь портного включает два смысловых блока: первый – рассказ о судьбе этого героя, который некогда был учителем и вынужден был стать портным, потому что никто не хотел учиться (это сатирический выпад против невежества), второй – критические замечания о сатирических журналах, и с этими замечаниями, можно думать, автор солидарен. Таким образом, литературно-критическое высказывание, замечание сатирического характера и комический сюжетный эпизод объединяются в рамках сложной жанровой структуры.

Жанровый ряд журнала дополняется читательскими письмами, пародийными “Ведомостями” [30, № 29–30], сатирическими портретами [30, № 23], диалогами – “разговорами мертвых” [30, № 35; № 36, с. 1–7], различными поэтическими произведениями – элегиями [30, № 12, с. 3–4; № 20, с. 6–8; № 31, с. 3–7] и пародиями на элегии [30, № 7, с. 6–7; № 32, с. 1–4], баснями [30, № 18, с. 8, № 19, № 20, с. 1–2; № 36, с. 7–8; № 45, с. 7–8], эпиграммами [30, № 21, с. 7–8; № 32, с. 5–6; № 42, с. 8], пародийными эпитафиями [30, № 12, с. 8; № 31, с. 7–8], стихотворными повестями или сказками [30, № 21, с. 1–6] и т.п.⁶

⁶ Многие стихотворения в журнале “И то и сё” принадлежат М.И. Попову. Это, в частности, все три указанные элегии, басня “Всяк житьем своим скучает...” в №№ 18–20, эпиграммы в № 21, пародийная эпитафия в № 12; перечисленные произведения переизданы в книге “Досуги, или собрание сочинений и переводов Михайла Попова” (в 2 ч., СПб., 1772). В.П. Семенников не исключает, что Попов является автором и других стихотворений в журнале [9, с. 20].

⁵ В отличие от “Всякой Всячины”, в журнале “И то и сё” пагинация отсутствует.

Дидактическая установка журнала проявляется в интересе к фольклору, к славянской мифологии (сообщаются сведения о древнеславянских божествах [30, № 38, с. 5–8; № 39, с. 1–2], вслед за сведениями о божествах античных [30, № 37, № 38, с. 1–5]) и в защите самобытности русского языка против заимствований (эта задача декларируется в предисловии к помещенному в № 26 словарю иностранных слов [30, № 26, с. 1]). Моралистический пафос не полностью чужд ему, как видно, например, из сатирических портретов с традиционным для русской литературы XVIII в. обличением петиметров [30, № 23] или из басни с обычной для этого жанра моралью [30, № 18, с. 8, № 20, с. 2; № 45, с. 8]. Но основное направление журнала другое, дидактическая установка уступает место рекреативной, что и декларируется издателем: “Чувствую я по планете моей, что моралистом быть не способен и не к тому родился, да и при рождении моем за то не брался, хотя и по неволе желают сделать меня важным. Я пишу единственно только для одново увеселения” [30, № 9, с. 8].

Выходивший ежедневно в марте и начале апреля 1769 г. журнал В.В. Тугова “Поденьшина” с журналом “И то и сё” объединяет и центральная роль образа издателя, и внимание к традиционной культуре, выражающее просветительские устремления. Возможно, именно эстетическая близость может объяснить остроту возникшей между ними полемики. Персонификация издателя в “Поденьшине” выходит на новый уровень: издатель получает не только психологическую и речевую, но и биографическую характеристику.

Из первого номера “Поденьшины” читатель узнает, что ее издатель – маляр (то есть художник [32, с. 55–56]), прибывший в Петербург на заработки. Это дает сюжетную мотивировку для введения эпизодов, в которых издатель предстает как действующее лицо. Подобные эпизоды помещены в начале журнала. Они сменяются рассуждениями, лишенными сюжетного характера, где издатель является уже только субъектом речи, а не участником действия; в этих статьях сообщаются сведения о магических верованиях (интерпретируемых, разумеется, в просветительском духе), живописи, архитектуре, музыке. Таковы два типа эссе, составляющие жанровую основу издания; помимо них, в журнале помещен отрывок “Искусство украшать лицо” “из дел Овидиевых” [33, с. 97–108], “Перевод из мнений Графа Оксенштерна. О смехе” [33, с. 108–111], две басни Фенелона [33, с. 111–115] (об источнике см.: [21, с. 369]), рассуждения о значении и этимологии арабских, персидских и турецких слов [33,

с. 123–134]. Писем от читателей в “Поденьшине” нет; весь журнал представляет собой монолог, даже дневник издателя, а речь других персонажей вводится в повествовательных сценах, где изображается устный диалог.

Эссе двух названных основных типов связаны композиционно и тематически. Ряд эссе на биографической основе завершает беседа издателя с “ворожеей” – колдуном [33, с. 43–60], который рассказывает историю своего посвящения; издатель убеждает его в невозможности колдовства. Непосредственно за ним следуют эссе, посвященные колдовству у других народов [33, с. 60–75], открывающие “информативный” ряд. Продолжает его рассказ “о некоторых художествах” [33, с. 81], и прежде всего о живописи, ее происхождении и различных техниках; по словам издателя, он “начинает мастерством своим” [33, с. 82], развивая тему, которая в биографическом вступлении введена как сюжетный мотив.

Образ издателя формируется из контрастных черт. Уже в начале первого номера, за 1 марта, он говорит о себе, что беден и даже “грамоте читать и писать не доволен” [33, с. 7], но заключительная часть того же номера окрашена мифологическими реминисценциями [33, с. 29–30]; эта литературная игра продолжается и в дальнейшем. Авторская скромность: “Отрада моя еще та, что я изданий своих не выхваляю, не вывожу рода их от Парнасса” [33, с. 29] – оттеняет просветительский пафос журнала.

Образ издателя создается и в журнале Н.И. Новикова “Трутень”. Этому образу придан сатирический колорит: издатель представлен как ленивец, из-за лени неспособный ни к какой службе и поэтому избравший своим занятием публикацию чужих сочинений [23, с. 3–8]. При этом описание придворной службы, требующей притворства и лести, также сатирическое; подобная двойственность объекта сатиры – распространенный прием (по существу, тот же, что в названном выше письме Игнатия Недоумова из “Всякой всячины”). В журнале есть и письма читателей, которым часто присущ тот же обличительный пафос, что и статьям, приписанным самому издателю [23, с. 97–104, 157–158, 199–200; 34, с. 85–87 и др.]. Есть, как во “Всякой всячине”, и примеры комических писем, где читатель подвергается осмеянию (см., например: [23, с. 246–247; 34, с. 41–46]). Однако формы эссе издателя и читательского письма в “Трутне”, в отличие от “Всякой всячины”, не определяют жанрового характера журнала.

Журнал “Трутень” отличается многоуровневой жанровой структурой. Сатирическая тенденция

реализуется в двух основных типах текстов: описательном – сатирическом характере и повествовательном – сатирическом рассказе-сценке; возможны переходные случаи – произведения, в которых, при краткости объема, развито и статическое, описательное и динамическое, повествовательное начало. Характер и сценка – это, так сказать, внутренние формы жанра; есть у него также формы внешние, и эти формы в журнале “Трутенъ” тяготеют к объединению по кумулятивному принципу – к циклизации.

Специфику журнала “Трутенъ” определяет разнообразие циклических структур, объединяющих тексты на базе повторения некоторых формальных признаков и одновременно на содержательной основе. Большинство подобных структур объединяют сатирические характеры, хотя в их состав могут входить и другие жанры. Таковы, например, “Портреты”: под этим названием в “Трутне” помещены два ряда текстов, представляющих различные типы сатирического характера. В первом из этих рядов [23, с. 129–132] реализована его наиболее простая форма, как правило, небольшого объема и не дополняющая описания повествованием; поддерживают единство цикла имена персонажей, в качестве которых в его рамках преимущественно используются местоимения. Второй ряд [34, 17–24] составляют характеры более пространные; за каждым из них следует нарицательное имя описанного в тексте типа: *Льстец*, *Красавица*, *Трус* (иногда эту функцию выполняет не слово, а словосочетание или даже предложение: *Устарелая Кокетка*, *Часто говорит правду*). Цикл “Каковы мои читатели” [23, с. 273–284] объединяет сатирические характеры по семантическому признаку: в нем сообщается о том, как читатели (конечно, вымышленные) оценивают сам журнал, и эти оценки становятся основой для характеристики тех, кто их дает. Примером семантического ограничения формы характера служит и статья “В новой год новое счастье” [34, с. 3–11], где выведен ряд персонажей, неспособных достичь счастья по причине собственных пороков; в завершении статьи создается положительный образ – пример для подражания.

Усложнение формы сатирического характера можно наблюдать в цикле “Смеющийся Демокрит” [23, с. 217–224, 257–264], где каждый из шестнадцати входящих в него текстов, за единственным исключением, начинается и заканчивается одинаково: в начале встреча рассказчика – Демокрита с характеризуемым персонажем (“Ба! это тот, в изорванном идет лахмотье, скупяга...” [23, с. 217]; “Посмотрите на етова негодяя; это судья *Забылчестъ*” [23, с. 259]), в конце сатириче-

ский “приговор” – осмеяние (“...какое скарденное крючкотворство. Ха! ха! ха!” [23, с. 260]). В заключительных разделах цикла персонажи показаны в действии, сатирический характер переходит в сценку. В цикле “Картины” [34, с. 90–100, 107–110] характер принимает форму экфрасиса – описания вымышленных произведений живописи.

Особенностью журнала “Трутенъ” является интерес к пародийным формам, часто также объединенным в циклы. В цикле “Рецепты” [23, с. 177–184, 201–202, 209–216, 241–243] на пародийной основе создается сатирический характер: описание пороков сопровождается советами о том, как их исправить, которые принимают форму пародии на рецепты. В цикле “Ведомости” [23, с. 28–32, 41–48, 65–72, 121–128, 137–144] пародируются газетные сообщения и объявления. Различие между этими двумя типами пародийных текстов в составе “Ведомостей” маркируется заголовками. Пародийные сообщения, подобно газетным статьям в XVIII веке, помещаются под заглавиями “географическими”, указывающими на место, откуда они якобы пришли (“В Санктпетербурге: Из Мещанской”, “Из Литейной” [23, с. 41], “Из Москвы ” [23, с. 42] и т.п.), а пародийные объявления объединены названиями: “Подряды”, “Продажа”, “Курс деньгам”, “Отъезжающие”. В состав этого цикла также входят характеры, но наряду с ними и повествовательные фрагменты. Пародиен и цикл “Статьи из Русского Словаря” [23, с. 36–40], содержащий уже не характеры, а сатирические рассуждения. В “Трутне” помещены и пародийные документы – “Копия с отписки” [23, с. 203–208], “Копия с другой отписки” [23, с. 233–236] и “Копия с помещичьего указа” [23, с. 236–240].

Текстам сходных структурных типов может быть придана различная внешняя форма. Например, сатирическая сценка-эпизод может быть изложена от лица читателя в составе письма или же в рамках пародийной формы “Ведомостей”.

Для “Трутня” (как, впрочем, и для других журналов) типично использование комплексных жанровых структур. Например, цикл “Портреты” разделен на две части (между публикацией первой и второй проходит четыре месяца), каждая из которых входит в состав письма читательницы; второе письмо с “Портретами” сопровождается и ответом издателя. В составе письма читателя находится и часть “Рецептов”, другая же их часть приписана издателю и, в свою очередь, дается как его ответ на присланную другим читателем просьбу о помощи тем, кто нуждается в “излечении” своих пороков. Примером комплексной

структуры можно считать и пародийные “Ведомости” с двумя типами входящих в них текстов – “сообщениями” и “объявлениями”.

Если в “Трутне” начинается вытеснение форм эссе и читательского письма пародийными жанрами, тяготеющими к циклизации, то в журнале Н.И. Страхова **“Сатирический вестник”** (1790–1792) эта тенденция достигает высшей точки. Весь журнал воспроизводит в крупном масштабе ту форму, которая придана “Ведомостям” в “Трутне” [см.: 11, с. 266]. Каждый из девяти выпусков журнала распадается на две части: сатирические “сообщения”, помеченные вымышленными местами и датами – “Из города М..... Незнаемого месяца от 87 дня” [35, ч. 1, с. 3], “Из К..... уезда. Незнаемого месяца от 89 дня” [35, ч. 1, с. 10] и т.д., и “объявления” под рубриками: “Объявление от театра щеголей и щеголих” [35, ч. 1, с. 110; ч. 2, с. 112–113; ч. 3, с. 104 и т.д.], “О приезжающих и отъезжающих” [35, ч. 1, с. 111–112; ч. 2, с. 113–114; ч. 3, с. 105–106 и т.д.], “Привоз товаров” [35, ч. 1, с. 112; ч. 2, с. 114–115; ч. 3, с. 106–107 и т.д.], “Брачной курс” [35, ч. 1, с. 113–114; ч. 2, с. 115–117; ч. 3, с. 107–109 и т.д.], “Прибавление к Ведомостям”, включающее разделы “Продажа”, “Продажа с публичного торгу”, “Подряд”, “Наем”, “Объявления” [35, ч. 1, с. 115–131; ч. 2, с. 119–142; ч. 3, с. 111–123 и т.д.] и др. В свою очередь, внутри этих статей находятся и другие пародийные формы: например, в состав известия “Из Б..... уезда. Незнаемого месяца от 206 дня” входит пародийное завещание [35, ч. 2, с. 31–42], известие “Из города П. ...” Незнаемого месяца от 237 дня” включает в себя пародийный дневник [35, ч. 2, с. 74–85], а под рубрикой “Любопытные известия” помещены пародийные рецепты – “Изъятие из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств” [35, ч. 2, с. 100–112].

Образ издателя как персонажа в журнале нет, но голос автора слышен в оценочных моралистических сентенциях: “Такова-то есть истинная картина нынешних понятий о браке худого воспитания девиц и жалостного конца пустой их жизни!” [35, ч. 1, с. 20]; “Кто не ужаснется, видя, что состоянием и благом целой жизни располагают с толиким безвниманием, равнодушием, жестокостию и небрежением?” [35, ч. 1, с. 38–39].

В отличие от “Сатирического вестника”, которому исключительную целостность придает общая для всех выпусков композиционная схема, другой поздний журнал – **“Что-нибудь от безделья на**

досуге” Н.П. Осипова (1798–1800⁷) отличается жанровым разнообразием статей. Среди них – повести, басни в прозе, аллегорические картины, моралистические рассуждения и т.д. Большинство статей имеют самостоятельные заглавия. Образ издателя создан в сюжетном введении – “Вместо предисловия” [37, с. 3–6], однако в дальнейшем не получает развернутой характеристики. Писем читателей издателю нет. Все эти признаки отличают “Что-нибудь от безделья на досуге” от типа сатирических журналов. Тем не менее издание Осипова сближает с этим типом моралистическое содержание, а на уровне структуры – тенденция к циклизации статей, выраженная не менее ярко, чем в “Трутне” Новикова, однако в иных формах.

В то время как в “Трутне” большинство циклов объединяет сатирические характеры – образы-персонажи в их эстетической целостности и конкретности (причем объем характера варьируется), в журнале “Что-нибудь от безделья на досуге” циклы формируются, как правило, из отдельных абстрактных элементов – понятий, качеств, принципов, способных составить образ. Циклизация в журнале “Что-нибудь от безделья на досуге” в художественной форме реализует принцип рационального анализа, понимания целого посредством разделения его на составные части.

Наглядным примером разделения образа на элементы служит помещенная в начале журнала статья без названия, содержащая ряд благопожеланий: “Желаю каждому человеку иметь здоровое тело, крепкое сложение и хороший желудок. Желаю каждому наполнять свой желудок по три раза на день; а как для легчайшего и удобнейшего его наполнения необходимо нужно движение, то желаю каждому трудолюбия и деятельности” [37, с. 7] и т.д.

В пародийной форме тот же принцип реализован в таком своеобразном жанре, как сатирические правила поведения, представленном в журнале несколькими образцами. Например, в одном из таких текстов, под названием “Общие правила нынешнего света” [37, с. 241–245], приводятся следующие пародийные принципы: “1^е, Стараться доставлять себе счастье как бы то ни случилось. 2^е, Все то, что некоторым образом препятствует нашей чести, славе, прибыли, удовольствию и

⁷ Н.П. Осипов начинает издавать журнал в 1798 г.; выходит 7 номеров. Впоследствии, уже после смерти Осипова, печатаются (видимо, по его рукописи) еще 19 номеров, которые соединяются с ранее изданными под новым титульным листом. В 1800 г. комплект из 26 номеров поступает в продажу [36, с. 209–210].

счастью, стараться низвергать, отвращать и уничтожать” [37, с. 241] и т.д., всего 30 пунктов.

Пародийные толкования понятий даются в другом жанре – сатирическом словаре, который представлен в журнале “Что-нибудь от безделья на досуге” статьями “Опыт Ученого и Модного Словаря, или ключ ко всем дверям, ларцам, сундукам, шкапам и ящикам Учености” [37, с. 33–44] и “Лексикон для щеголей и модников” [37, с. 401–414]. Приведены, например, такие объяснения: “*Возражение* есть потаенное признание в том, что предлагаемой вещи не понимаем” [37, с. 34]; “*Здоровье*. Пить здоровье значит напиться до пьяна церемониально” [37, с. 36]; “*Благодарность*, есть ничто иное, как самая старинная закоренелость, которая теперь вышла совсем из моды и никуда не годится, кроме самой низкой и подлой черни” [37, с. 402]. Пародийные толкования могут быть заключены в таблицу, как в статье “Слова нынешнего света. Настоящий смысл оных” [37, с. 48].

Наряду с пародийными толкованиями, разработка понятий происходит в журнале Осипова и в серьезной, моралистической форме. Толкованию ключевых для моралистической проблематики понятий посвящен ряд статей: “Праздность” [37, с. 13–16], “Дружба” [37, с. 44–48], “Случай” [37, с. 65–68], “Старость” [37, с. 69–73], “Справедливость” [37, с. 94–96], “Постоянство” [37, с. 103–110], “Терпение” [37, с. 111–112], “Друг, дружба” [37, с. 185–191], “Время” [37, с. 218–222]. Их объединяет не только единообразие заглавий, но и композиционное сходство, что позволяет говорить о них как о цикле. Некоторые из них начинаются с определения: “Праздность есть лень, отвращающая нас от всякого упражнения” [37, с. 13]; “*Случай* есть счастливая минута, показывающая по стечению разных обстоятельств удобнейшую дорогу к произведению чегонибудь с успехом” [37, с. 65]. Далее следует рассуждение, риторически организованное, подкрепленное примерами из древней и новой истории и аллегорическими образами. Для завершения текста может использоваться аллегорическая картина (“Случай”, “Старость”) либо цитата (“Дружба”, “Справедливость”).

Две статьи – “Нечаянно” [37, с. 206–208] и “Может быть” [37, с. 273–275] – основаны на персонализации центрального понятия: “*Г. Нечаянно* родился от *Рока* и *Фортуны* в замке *Непостоянства*” [37, с. 206]. Далее следует моралистическое рассуждение с историческими и аллегорическими вставками, сходное с тем, которое характерно для статей рассмотренного выше типа.

Предметом подобной разработки может стать не только понятие, но и высказывание. В ряде статей высказывание вынесено в заголовок: “Правда не всякому приятна” [37, с. 90–91], “Школа несчастья есть училище добродетели” [37, с. 237–240], “Несчастье никогда одно не приходит” [37, с. 317–320]. В двух случаях подобное заглавие цитатное: “Один человек съедает другого” [37, с. 61–63] (в тексте статьи дается ссылка на Г. Гроция), “Не верь ни в чем тому человеку, которой не напивается до пьяна. И.И. Р[уссо]” [37, с. 169–173] (ссылка на Ж.-Ж. Руссо оформляет название как эпиграф). Композиционная структура статей различна: в большинстве своем они представляют собой рассуждения, “Несчастье никогда одно не приходит” – аллегорический сюжетный эпизод. Однако их объединяет то, что ключевое высказывание повторяется в тексте как рефрен, причем помещается, как правило, в сильной позиции конца абзаца.

Рассмотренные циклические формы не доминируют в журнале количественно. Однако, образуя сеть композиционных соответствий, они определяют эстетическое своеобразие журнала Осипова в ряду других сатирических изданий.

Анализ и сопоставление ряда сатирических журналов позволяет сделать вывод о значительной мере единства каждого из них в композиционном отношении. Можно говорить о сатирическом журнале как о своеобразном литературном жанре.

По сравнению с прототипическими жанрами в литературе Нового времени – лирическим стихотворением, поэмой или даже романом с его значительным объемом и структурной сложностью – журналу, разумеется, недостает композиционной целостности. Связи между его элементами нередко слабы, причем в зависимости от избранных авторами композиционных решений они могут быть более или менее ощутимы. Эти связи сильнее в том случае, если журнал объединен образом издателя, и тем более заметны, чем более этот образ индивидуализирован с помощью приемов биографической и речевой характеристики; они ослабевают по мере того, как образ издателя теряет значение и устраняется.

Но журнал можно представить как **жанр-ансамбль** в том понимании, которое предложено Д.С. Лихачевым для жанров средневековой литературы, например летописей и патериков [38; 39, с. 415]. Мера жанрового единства здесь даже больше в силу того, что, в отличие от этих памятников средневековой литературы, нередко создававшихся на протяжении столетий (и в отличие от

прототипического литературного журнала в собственном смысле слова [см.: 12]), сатирический журнал связан общностью авторского замысла.

Ансамблевый характер журнального жанра проявляется в том, что он, как и жанры, описанные Д.С. Лихачевым, имеет иерархическую структуру, включая в свой состав другие жанры. Выбор этих жанров определяется авторской творческой концепцией, как определяется ею и их индивидуальная художественная трактовка.

Жанры эссе и читательского письма занимают центральное место в классических английских образцах сатирического журнала и в ряде позднейших изданий. Их важнейшая композиционная функция в том, что они позволяют моделировать диалог нескольких субъектов речи – издателя и читателей. Но в диалогической форме может быть заключено и монологическое содержание; это внутреннее напряжение между содержанием и формой создается присущей сатирическому журналу дидактической смысловой установкой. Примером подобного конфликта служит “Всякая всячина”, где голоса читателей подавляются издателем, но в то же время его ироническое высказывание направлено и на себя. Ироническая трактовка образа издателя преобладает в журнале “И то и сё”, при этом роль читателя там становится меньше, чем во “Всякой всячине”, зато выдвигаются уже и иные жанры. “Поденьшина” – пример журнала, где образ издателя есть, а образ читателя отсутствует. “Что-нибудь от безделья на досуге” и “Сатирический вестник” представляют примеры редукции образа издателя вплоть до его исчезновения.

Альтернативу эссе издателя и письму читателя составляют разного рода жанры, прозаические и стихотворные, от аллегорических до пародийных. Если жанр эссе отличается исключительной формальной свободой, то альтернативные ему жанры отличаются от него тем больше, чем более строгие ограничения наложены на их структуру. В прозаических жанрах сатирических журналов важнейшие типы таких ограничений заданы, во-первых, пародийным характером, причем объектом пародирования, как правило, становятся нехудожественные формы – газетная статья и объявление, рецепт, словарь, а во-вторых, циклической композицией; эти два типа ограничений часто совмещаются. “Трутень”, “Сатирический вестник” и “Что-нибудь от безделья на досуге” – журналы, в которых подобные формы тяготеют к роли жанровой доминанты. Свообразие каждого из журналов определяется типами циклических конструкций. В журналах “Трутень” и “Что-ни-

будь от безделья на досуге” циклические структуры составляют важную, но количественно не преобладающую часть; “Сатирический вестник” – это циклическая форма, расширенная до масштабов многотомного издания. В свою очередь, “Трутень” и “Что-нибудь от безделья на досуге” реализуют сущностно различные модели циклизации. В “Трутне” циклизация сопоставляет характеры, подчеркивая смысловые отношения сходства или различия композиционным контактом. В журнале “Что-нибудь от безделья на досуге” циклизация разделяет характеристику на составные части, подвергая рациональному анализу.

С жанровой системой последующей литературной эпохи, для русской литературы ставшей временем формирования национального классического канона, сатирический журнал как жанр в значительной мере несовместим. Его свободная “ансамблевая” структура, сложный внутренний жанровый состав при сохранении концептуального единства, дробление на произведения малых форм и далее на фрагменты, объединенные в циклы по кумулятивному принципу, отражающее в большей мере процесс рационального анализа предмета, нежели акт его интуитивного постижения, дидактическая смысловая доминанта – все это выходит за рамки принятых в классической литературе XIX века жанровых моделей. Вероятно, этим комплексом причин можно объяснить устаревание жанра. В позднейшей литературе для него не находится места – и тем важнее его понять в присущей ему эстетической индивидуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pallares-Burke M. L. *The Spectator, or the metamorphoses of the periodical: a study in cultural translation* // Cultural translation in early modern Europe. Cambridge, 2007. P. 142–159.
2. Ertler K.-D. *Moralische Wochenschriften* // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte [Электронный ресурс]. Mainz, 2012. Режим доступа: <http://www.ieg-ego.eu/ertlerk-2012-de>, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения – 25.08.2014.
3. The Tatler / Ed. with introduction and notes by G. A. Aitken: In 4 vols. London, 1898–1899.
4. The Spectator / A new ed. with introduction, notes, and index by H. Morley: In 3 vols. Vol. 1. London, 1891.
5. Neue Beiträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes. Bd. 3. Leipzig und Bremen, 1746.
6. Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.

7. *Афанасьев А.Н.* Русские сатирические журналы 1769–1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859.
8. *Неустроев А.Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874.
9. *Семенников В.П.* Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.: Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914.
10. *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
11. *Стенник Ю.В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985.
12. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830-х – 1870-х гг. М., 2005.
13. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
14. *Пекарский П.П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863.
15. *Шумигорский Е.С.* Государыня-публицист // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 5–52.
16. *Клейн Й.* “Немедленное искоренение всех пороков”: о моралистических журналах Екатерины II и Н.И. Новикова // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 153–165.
17. *Ивинский А.Д.* “Наука жить между людьми”: о литературной позиции журнала “Всякая всячина” // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. СПб.; Самара, 2013. С. 216–225.
18. *Солнцев В.Ф.* “Всякая Всячина” и “Спектатор”: (К истории русской сатирической журналистики XVIII века) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 279. 1892. № 1. С. 125–156.
19. *Лазурский В.Ф.* “Le Spectateur” и “Всякая всячина” // Русский библиофил. 1914. № 8. С. 23–27.
20. *Левин Ю.Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 3–109.
21. *Рак В.Д.* Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор) // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 316–410.
22. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 5–300.
23. Трутень, еженедельное издание, на 1769 год. СПб.
24. Всякая всячина. [СПб., 1769].
25. *Богатырев П.Г.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 450–496.
26. *Лихачев Д.С.* Смех как “мировоззрение” // Лихачев Д.С., Панченко А.М. “Смеховой мир” Древней Руси. Л., 1976. С. 7–90.
27. *Западов А.В.* Журнал М.Д. Чулкова “И то и сь” и его литературное окружение // XVIII век. Статьи и материалы. Сборник. Вып. 2. М.; Л., 1940. С. 95–141.
28. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958.
29. *Степанов В.П.* Чулков и “фольклорное” направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 226–247.
30. И то и сь. [СПб., 1769].
31. *Путилов Б. Н.* О журналах Чулкова (“И то и сь” и “Парнасский щепетильник”) // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 29. Л., 1940. С. 87–112.
32. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12 (Льстец – Молвотворство). СПб., 2001.
33. Поденьшина, сатирический журнал Василия Тузова. 1769 / Издание А. Афанасьева. М., 1858.
34. Трутень, еженедельное издание, на 1770 год. СПб.
35. [Страхов Н.И.] Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, неизвестным сочинителем. Ч. 1–9. М., 1790–1792.
36. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 4: Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966.
37. *Осипов Н.П.* Что-нибудь от безделья на досуге. Еженедельное издание. СПб., 1800.
38. *Лихачев Д.С.* Принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Культура Древней Руси: Посвящается 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М., 1966. С. 118–120.
39. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 1. Л., 1987. С. 261–654.